

УДК 130.122:398.22:75.04

Проценко О. П.

Харьковский национальный университет
строительства и архитектуры

ОБМЕН ДАРАМИ И БЛАГОДЕЯНИЯМИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД ГЛУБИННОГО ОБЩЕНИЯ

Проценко О. П. Обмен дарами и благодеяниями как культурный код глубинного общения. Статья посвящается анализу универсального феномена в коммуникативном пространстве культуры — обмену дарами и благодеяниями. Показано, что данный феномен отражает динамику культурных процессов в социальном взаимодействии людей, а также выступает оригинальным кодом глубинного общения. Представлен анализ ценностных экспликаций указанного феномена, соединяющий в себе морально-психологические, художественно-эстетические и культурно-коммуникативные смыслы. В статье также дан краткий исторический контекст феномена обмена дарами, традиция его интерпретации в мифах, наставлениях и поучениях. В представленном философско-социологическом дискурсе используются учения Аристотеля, Сенеки, Ницше, М. Мосса, Ж. Деррида. Уделяется внимание художественно-образной репрезентации обмена дарами на примере живописных полотен таких мастеров как П. Рубенс, ван Лоо, Д. Северини. Исследуется противоречивый характер обмена дарами и благодеяниями в диспозиции добра и зла, подчеркивается значение данного феномена в процессе совершенствования деловых отношений.

Ключевые слова: обмен, дар, подарок, благодеяния, культура, общение, мораль, добродетель, искусство, стиль.

Проценко О. П. Обмін подарунками та благодіяннями як культурний код глибинного спілкування. Стаття присвячена аналізу універсального феномена у комунікативному просторі культури — обміну подарунками та благодіяннями. Показано, що даний феномен відображає динаміку культурних процесів у соціальній взаємодії людей, а також виступає культурним кодом глибинного спілкування. Представлений аналіз ціннісних експлікацій даного феномена, що об'єднує в собі морально-психологічні, художньо-естетичні та культурно-комунікативні смисли. При аналізі обміну подарунками та благодіяннями наводяться стислий історичний контекст та традиція його інтерпретації його в міфах, настановах, повчаннях. У філософсько-соціологічному дискурсі присутні думки Аристотеля, Сенеки, Ницше, М. Мосса, Ж. Деррида. Увага приділяється

художнім репрезентаціям обміну подарунками на прикладі картин ван Лоо, П. Рубенса, Д. Северіні. Аналізується також протиріччя у проявах обміну подарунками та благодіяннями у диспозиції добра та зла, підкреслюється значення даного феномена у процесі удосконалення ділового спілкування.

Ключові слова: обмін, подарунок, благодіяння, культура, спілкування, мораль, чеснота, мистецтво, стиль.

Protsenko O. A gift-and-beneficence exchange as a cultural code of a deep communication. The article is meant to analyse a universal phenomenon of the communicative culture, namely a gift-and-beneficence exchange. It is noted that the research field where this phenomenon is considered as a stand-alone subject is extremely narrow. However, nowadays the political life gets intensified; a tendency to overcome corruption has been noticed, and a social morality is getting optimized. All this makes a theoretical and applied research in the area of a cultural communication urgent.

The complexity and ambiguousness of a gift-and-beneficence exchange procedure, as well as a meaning continuum of the gift phenomenon itself account for using the system approach in the study. Also the historical, philosophical, sociological, and cultural approaches were applied. The analysis of recent research and publications has shown that the issues of the gift phenomenon do not have a status of an independent research in the frames of the humanitarian science. The research is fragmentary and is given as an addition, illustration, or factual material in a wider range of problems of the humanitarian knowledge.

The issue is urgent as a gift-giving process represents a universal form of a social interaction. Thus, a gift, in a way, demonstrates one's attitude to ownership and outlines a person's place in a social structure of the society. At that, a role of a gift as a totally social fact gets considerably intensified when this phenomenon is regarded as a type of exchange meant to sustain the economical balance in the society (M. Mauss). Moreover, a gift-and-beneficence exchange can add a high note of humanity into social relationships manifesting itself in the complex of a man's existential emotions and feelings, such as love, care, gratitude, and mutual help. The article provides the analysis of valuable explications of a gift-and-beneficence exchange which consolidate moral-psychological, artistic-aesthetical, and communicative-informative aspects.

A gift exchange is a universal procedure in the interpersonal communication culture. It is connected with historical forms of borrowing and co-creation in gaining of a communicative experience, as well as with forming a communicative competence of separate peoples. Talking about moral-psychological aspects, first of all, they are generosity, reasoned by Aristotle, gratitude reasoned by Seneca, and feelings of joy and satisfaction – Nietzsche. The article draws attention to the dual nature of a gift which has to do with the translation of both the positive, righteous and the negative, vicious. Negative as the other side of a gift involves a possibility of its transformation into a bribe, speculation, palm-greasing, etc. It is possible to prevent the discredit of a gift through observing the exchange procedure, which is presentation, acceptance, and repayment. In mythology and arts this procedure is represented as the

Graces round dance. The author provides pictures of P. Rubens, van Loo, and G. Severini as examples.

A gift exchange is regulated by a moral-and-legal normalization. Behaviour stereotypes characteristic to this procedure get fixed due to the set of requirements to one's behaviour which shift oughtness into obligation. Oughtness as it declares what is morally appropriate in a strictly generalized form (one ought to be grateful). Obligation tends to specification (a guest must be treated with a gift or meal) and it is nothing else but "a guidance for everyday life" (Cicero). Every oughtness turns into a system of obligations and obtains at that a character of a moral or legal doctrine. Obligations regulate social procedures and communication acts by pointing at certain actions and deeds. Sometimes such recommendations get transformed into courtesy rules: how to accept gifts, whether one should refuse to accept them, how to present gifts to the authorities, business partners, etc. It is obligations that point out the situations when presents are inappropriate, when a gift or beneficence can create an illusion of good or prove to be evil in such forms as bribing, revenge, and hypocrisy.

The communicative-informative purpose of a gift-and-beneficence exchange is considered in view of the regulation of business communication. The article points at the fact that the phenomenon represents here a symbol indicating people's mutual respect. To avoid any suspicion in bribing, a gift exchange is regulated in business communication not only by courtesy rules, but by administrative regulations as well. In terms of a meaning potential a gift-and-beneficence exchange represents a unique code of the culture of a deep communication, visualization of humanism as an indicator of a spiritual life of the society and its representatives.

The author comes to the conclusion that a gift-and-beneficence exchange represents a universum of the social interaction. It reports on constantly changing mechanisms in the cultural-communicative space which emerge through the involvement and co-creation in relationships between people. A hierarchy of values is hidden in a meaning potential of both the repayment and its non-stop dynamics. The first fixes not only the main economical resource, namely attitude to ownership, but also a moral virtue of a peaceful contact (justice, trust, friendliness) and the aesthetical norm which brings criteria of harmony and beauty into relationships between people. Being a unique code of the culture of a deep communication, a gift-and-beneficence exchange visualizes the humanism as an indicator of spirituality as in the society, so among its representatives.

Keywords: exchange, gift, present, beneficence, virtue, vice, culture, communication.

Постановка проблемы. В связи с возрастающим вниманием общества к вопросам общественной морали, связанной с преодолением коррупции, на сегодняшний день представляются крайне необходимым научно-теоретическая интерпретация феномена дара, выявление его сущностных характеристик и места в социальном взаимодействии вообще и культуре общения в частности. Роль дара трудно переоценить. Этот социокультурный феномен пронизывает все коммуникативное пространство

общества, включая политическую, экономическую, духовную сферы его жизни, активизируя такие механизмы регуляции социальных отношений как мораль, право, искусство, обряд и традиция.

Актуальность темы связана с тем, что принцип дарения выступает универсальной формой организации социального взаимодействия. Исходя из этого, дар, в определенном смысле, характеризует отношение к собственности и подчеркивает место человека в социальной структуре социума. При этом роль дара как тотального социального факта значительно интенсифицируется, когда данный феномен трактуется как вид обмена и направлен на поддержание состояния равновесия в социуме, экономической сбалансированности в нем (М. Мосс). А кроме того, обмен дарами и благодарениями способен привнести в социальные отношения высокую ноту гуманности, проявляющую себя в комплексе экзистенциальных переживаний человека, таких как любовь, забота, благодарность, взаимопомощь.

Анализ последних исследований и публикаций показывает, что проблемы феномена дара во всем их многообразии не имеют статуса самостоятельных исследований в пределах какой-то одной области гуманитарного знания. Чаще они носят скорее фрагментарный характер, присутствуют в качестве дополнения, иллюстрации или фактажа в исследовательской канве более общих проблем гуманитарного знания в целом. Среди авторов, которые в той или иной степени обратились к проблеме дара и получили интересные результаты, можно назвать А. К. Байбурина и А. А. Топоркова, предложивших этнографический подход, В. И. Кутырева и Ж. Деррида — философский, Д. Шушарина, А. В. Ханникова — коммуникативный. Связывают проблемы дара с деловыми контактами и дипломатическим протоколом такие специалисты в области социальной психологии и менеджмента, делового общения, как Т. И. Холопова и М. М. Лебедева, а также В. П. Шейнов, Д. Ягер и др.

Цель статьи — представить комплексный философско-культурологический анализ феномена дара в ракурсе осуществления его обменных процедур в области глубинного общения, останавливаясь главным образом на морально-этических и художественно-эстетических составляющих.

Изложение основного содержания исследования. Обмен дарами — универсальная процедура в культуре межличностного общения. Она связана с историческими формами заимствования, сотворчества в накоплении коммуникативного опыта и формирования коммуникативной компетенции отдельных народов, затем получившая всеобщую направленность. Эта единая тенденция к дарению как безвозмездному воздаянию, восходит к универсалиям глубинного общения, где ценностно-смысловой континуум находит себя в диалогике сопричастности, а также сотворчестве «как креативном участии в решении

все более и более трудных задач универсального» (2, с. 128). Отсюда инструментарий обмена дарами как утверждение его сущностного значения имеет давнюю культурную традицию и находит выражение и закрепление в наглядных овестьвленных, материализованных формах, восходящих от подарка (единичного, конечного) — к дару (обобщенного, вечного). Причем визуальная сторона в отношениях, опосредованных дарением и связанных с действием, дополняется вербальной формулой, словесной сентенцией, направленной на толкование, поучение, назидание и, в конечном итоге, памятью. Так, уже в Ветхом завете, древнейшем памятнике культуры, читаем: «и всякий друг человеку, делающему подарки» (Пр., гл. 19, п. 1). Проблему дара можно обнаружить и в мифологических сказаниях и исторических сюжетах через устоявшиеся высказывания: «бойся да найцев и дары приносящих». В народных традициях стереотипы поведения, связанные с процедурой обмена дарами, облечены в пословицы и поговорки — «дар дара ждет», также в виде поучений, вложенных в уста великих людей, например Владимира Мономаха: «Напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя...; если не можете почтить подарком, — то пищей и питием: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым».

Обмен дарами регулируется системой нравственно-правовой нормативности. Стереотипы поведения, характерные для данной процедуры, закрепляются благодаря системе требований к поведению, которые переводят долженствование — в обязанность. Долженствование как таковое декларирует морально надлежащее в предельно обобщенной форме (следует быть благодарным). Обязанность тяготеет к уточнению (гостя следует почтить подарком или угощением), и в этом своем назначении обязанность есть не что иное, как «руководство в повседневной жизни» (Цицерон). Всякое долженствование облекается в систему обязанностей, приобретая при этом характер либо морального, либо правового толка. Обязанности упорядочивают социальные процедуры и коммуникативные акты, указывая на конкретные действия или поступки. Порой такие рекомендации приобретают форму правил этикета: как правильно принимать подарки, следует ли отказываться от них, как преподносить подарки руководству, деловым партнерам и прочее. Именно обязанности указывают на ситуации, когда подарки в принципе неуместны, а именно тогда, когда дар или благодеяния способны создать иллюзию добра или утвердить зло в таких его формах как подкуп, месть, лицемерие.

По сути своей феномен дара неоднозначен. С одной стороны, он олицетворяет ряд моральных добродетелей: внимание, благодарность, заботу, любовь, щедрость. С другой стороны, его легко отождествить с утилитарно-прагматической направленностью, связанной с лестью, задабриванием или сугубо экономической процедурой бартера. А коль так, рас-

суждает Ж. Деррида, «сущность подарка равносильна не-подарку, неистине подарку» (8, с. 42).

В качестве определяющих индивидуальных черт характера, способствующих дарению, представитель этической мысли античности и создатель самой этики Аристотель считал гордость и щедрость, Сенека, своим учением оказавший влияние на развитие христианской морали, — благодарность. Согласно Аристотелю, щедрость есть «обладание серединой в отношении к даянию и приобретению имущества» (1, с. 123). Обладая щедростью, считает мыслитель, соблюдает меру между скупостью и мотовством. Природа любой добродетели, в том числе и щедрости, активна и обнаруживает себя в совершении поступков добрых и прекрасных, а не в уклонении от всего недоброго и постыдного. Исходя из этого, «щедрый будет давать во имя прекрасного и правильно: кому следует, сколько и когда следует» (1, с. 122). В свою очередь, щедрому человеку претит и брать откуда попало и у кого бы то ни было. По мнению Аристотеля, щедрый человек никогда не выступает в роли просителя, однако способен преступить меру в даянии и самому оставляет меньше, чем следует. Будучи гордым или обладая чувством собственного достоинства, человек склонен в большей степени оказывать благодеяние и дарить, нежели принимать их самому. В первом случае утверждается моральное возвышение, а во втором возникает косвенная зависимость в качестве принятой на себя обязанности ответить на принятый дар даром, ответить благодеянием тому, от кого исходило благодеяние.

Сенека считает благодарностью той моральной добродетелью, которая детерминирует обмен дарами и благодеяниями и способствует его распространению, наделяет общение духовной компонентой. Дар только тогда дар, когда он сопровождается возвышенным состоянием духа. Душевный порыв одарить или облагодетельствовать значительно того, что дается и что делается, если нет расчета на вознаграждение или возмещение. Дар и благодеяния, выраженные предметно или действенно, находят отзвук в памяти, сопряжены с удовлетворением и одобрением. «Дух возвышает малое, — пишет Сенека, — очищает нечистое и лишает цены великое и сльвишее ценным» [6, с. 20]. Соответственно, неблагодарность оборачивается тем пороком, который может нанести непоправимый моральный урон личности. Тем не менее неблагодарность, независимо от ее силы и масштабности, не должна препятствовать благим деяниям, считает Сенека, и рекомендует отступать, продолжать свое дело, подавать, «помощь кому средствами, кому кредитом, кому расположением, кому советом, кому полезными наставлениями» [6, с. 16].

В философско-культурологической традиции интерпретации феномена дара можно и далее встретить рассуждения мыслителей о возвышенном состоянии духа, сопровождающем дары и благоде-

яния. Подлинное воздаяние и в любой форме (благодарительность, подарки, утешение, похвала) должно доставлять и доставляет радость и удовлетворение тому, кто их совершает. Этот морально-психологический эффект Ницше толкует как «радость доставления радости», как «счастье малейшего превосходства», «богатейшее средство утешения». Если, считает философ, дарение и благодеяние сделать правилом, это может быть неопределимым средством борьбы с угнетенным духом [4, с. 120–121].

Парадокс дара состоит в том, что дар не только оптимизирует общение, но и способен принести в его состояние негатив, деструкцию: поставить в зависимость, унижить и даже оскорбить его участников. Дары и благодеяния теряют свою привлекательность, если вызваны настоятельной просьбой или долгими проволочками, поскольку подлинные вознаграждения превосходят желания. Воздаяния во всех своих видах и формах не могут быть ничтожными, или оказанными всуе, они должны превышать жесткую меру необходимости. Парадоксальность даров заключена в том, что они способны создавать иллюзии добра, форму, за которой таится зло в виде лицемерия, лести, подкупа. Создавая видимость добра, дары и благодеяния могут опосредовано присутствовать в стратегии манипулирования сознанием личности. Задаваясь вопросом, почему римляне подозрительно относились к подаркам жен мужьям и мужьям женам, Плутарх считал, что таким образом из супружества устраняется возможность угождать и любовь между супругами была бы бескорыстной и ничем не побуждаемой. «А может быть, дело в том, — размышлял Плутарх, — что у мужа и жены все должно быть общим? Ведь кто принимает подарок, тот показывает этим, что все остальное, недаренное — не его, так что, даря друг другу малое, супруги отнимали бы друг у друга целое» [5, с. 183].

Парадокс дара «снимается» соблюдением техники преподнесения. Инструментализм процедуры преподнесения, принятие и возвращение как утверждение его смыслового значения имеет давнюю традицию. Обмен дарами и благодеяниями предполагает особый эмоциональный настрой: они охотно и без колебаний преподносятся и так же принимаются. Здесь оправдана даже маленькая ложь. Сама процедура обмена требует соблюдения учтивости и любезности, а также соблюдения субъектами некоего негласного, но устойчивого принципа: «Один должен тотчас забыть об оказанном, другой — никогда не забывать о полученном благодеянии» [6]. В процедуре преподнесения и получения даров неуместны ни пренебрежительность, ни подобострастие, а колебание и нерешительность способны исказить сущность и назначение дара.

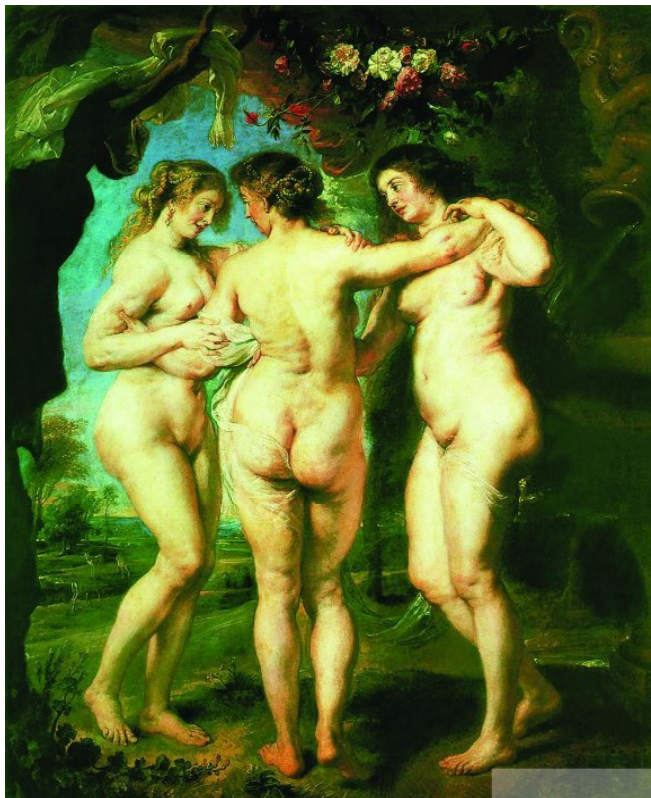
Процедурные акты воздаяния (преподнесение, получение и возвращение) нашли себя не только в моральной нормативности, но и в художественном воплощении. Это хоровод граций, композиция, со-

стоящая из трех молодых девушек, взявших друг друга за руки и обративших друг к другу лица. Сенека, обратившись к интерпретации процедуры обмена дарами и благодеяниями, раскрывает смысл, сокрытый в сюжетной композиции трех граций, ставшей излюбленной идеей художников. В ней не только каждая грация олицетворяет моральную добродетель, но сам их хоровод воплощает в себе сложное явление нравственной жизни. В хороводе граций в снятом виде, т. е. в свободной от культурной событийности и временных рамок жизни того или иного народа, представлен механизм воздаяния. Что же означает хоровод граций? Согласно устоявшемуся мнению исследователей (историков, философов, искусствоведов), начиная со времен античности одна из граций изображает дающую благодеяния, другая — принимающую их, а третья — возвращающую. И этот порядок незыблем, так как он утверждает взаимность как главный принцип дарения. Кроме того, каждый факт визуального воплощения граций фиксирует присутствие морали в указанной процедуре обмена. Лица граций озаряет улыбка, так как лица предлагающих и принимающих дары наполняются чувствами радости и удовлетворения. «Они юны, ибо воспоминания о благодеяниях не должны стареть. Они девы, ибо (благодеяния) непорочны, чисты и святы для всех. В благодеяниях ничего не должно быть невольного, связанного и непринужденного — вот почему грации одеты в просторные туники, и притом в прозрачные, ибо благодеяния требуют того, чтобы их видели» [6, с. 17].

Художественное воплощение хоровода граций связано не только с мифологическим сюжетом о грациях, харитах, воплощающих в себе добродетели морали, но и эстетическими предпочтениями мастеров, их идеалами, вкусами, представлениями, принадлежностью к стилю или направлению. В изображении граций присутствует эпоха, определяющая характер искусства в целом. В качестве примера возьмем из всего множества изображений граций три живописных полотна разных веков, где можно проследить отображение идеи о хороводе граций, символизирующем обмен дарами и благодеяниями, в интерпретации Сенеки. Так, в картине ван Лоо «Три грации» (XVIII в.) сюжетная линия прослеживается наиболее отчетливо. Полные очарования, совсем юные и почти обнаженные девушки стоят с обращенными друг к другу лицами, с едва заметными улыбками, простирая друг к другу руки. Та, что стоит слева, как будто уже преподнесла что-то той, что справа, которая уже приняла и намеревается передать третьей, еще не успев расправить руку, а третья, в центре, как бы возвращает полученное, замыкая великолепный хоровод. Художнику удалось передать и впечатление о возвышенной чистоте и непорочности, которые обусловлены заданной сюжетной линией картины. По мнению специалиста по философии искусства

Ил. 1. Питер Пауль Рубенс. Три грации

Ил. 2. Шарль-Андре ван Лоо. Три грации

*Ил. 3. Джіно Северіні.
Три грации*

В. П. Бранского, «картина производит впечатление еще и потому, что она связана с гармонией стиля рококо» [3, с. 454]. Если в вышеназванной картине сюжетная линия четко обозначена, то в одноименной картине П. Рубенса (XVII в.) — в определенной степени замаскирована. Да и на полотне П. Рубенса грации изображены иначе, в соответствии с эстетикой барокко. Подчеркнуто телесные, они представлены как живая реальность в расцвете красоты и концентрации жизненной энергии. Они свободны, раскованны и тесно взаимодействуют в динамике хоровода. Нагота граций откровенна и демонстративна, как откровенна и демонстративна бывает возможность одаривать и благодетельствовать.

В настоящее время дары и благодетельствия широко используются для установления деловых контактов. Моральное одобрение со стороны общественного мнения приобретают такие виды воздаяния, которые исключают какую-либо зависимость, а, скорее, представляют собой комплекс целенаправленных мер для поддержания той или иной категории лиц, нуждающихся во внимании, поддержке, поощрении. Подарки в деловом общении приобретают символическое, формальное значение. Они, скорее, выступают знаками, свидетельствующими о расположении сотрудников друг к другу, взаимном уважении и признательности. Дарение и благодетельствия в деловом общении способствуют созданию атмосферы доброжелательности, развитию доверительных отношений, что представляет собой тот потенциал, который повышает эффективность любой продуктивной деятельности. Преподнесение подарков в сфере деловых отношений регулируется предписаниями служебного этикета. Предписания, указывающие на условия, при которых следует факт дарения, могут приобретать статус административных норм. Обычно организации доводят этические нормативы до своих работников в виде печатных материалов или создают рабочие группы по этическим нормативам. Такой подход, как считает американский специалист в области делового этикета Д. Ягер, помогает избежать столкновения интересов, которое могло бы подорвать единство целей организации или компании [7]. Такая регламентация в рамках служебного этикета проводится с той целью, чтобы избежать подозрений в подкупе влиятельных лиц, взятках, сделках и пр.

Выводы. Итак, обмен дарами и благодетельствиями представляет собой универсум социального взаимодействия. Он свидетельствует о постоянно совершенствующихся механизмах в культурно-коммуникативном пространстве, которые рождаются через сопричастность, сотворчество в отношениях между людьми. В смысловом потенциале воздаяния, динамике его нескончаемого осуществления сокрыта иерархия ценностей, фиксирующая не только главный экономический ракурс — отношение к собственности, но и моральную добродетель

миролюбивого контакта (справедливость, доверительность, дружелюбие), а также эстетическую норму, привносящую в отношения между людьми критерии гармонии и красоты. Выступая уникальным кодом культуры глубинного общения, обмен дарами и благодетельствиями визуализирует гуманизм в качестве индикатора духовности в состоянии как общества в целом, так и отдельных его представителей.

Литература:

1. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 тт. Т. 4. / под ред. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; пер. И. В. Брагинской. М., 1983. С. 53–295.
2. Батищев Г. С. Особенности глубинного общения // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 109–129.
3. Бранский В. П. Искусство и философия. Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград : Янтарный сказ, 1999. 704 с.
4. Ницше Ф. Генеалогия морали. Памфлет // По ту сторону добра и зла. Избр. произв. : в 2 кн. М. : Сирин, 1990. Кн. 2. 415 с.
5. Плутарх. Застольные беседы / отв. ред. Я. М. Боровский, М. Л. Гаспаров ; пер. с древнегреч. Я. М. Боровского. Л. : Наука, 1990. 592 с.
6. Сенека Л. А. О благодетельствиях // Римские стоики : Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / Перевод и вступ. ст., сост., подгот. текста В. В. Сапова. М. : Республика, 1995. С. 14–167.
7. Ягер Дж. Деловой этикет : как выжить и преуспеть в мире бизнеса. Пер. с англ. М. : Джон уайтли энд Санз, 1994. 288 с.
8. Derrida J. La fausse monnaie. Paris : Galiles, 1998. 224 p.

References:

1. Aristotel' (1983). *Nikomakhova etika. Sochineniya* : v 4 tt. [Ethical of Nykomah. Works, 4 vols.]. A. I. Dovatur, F. Kh. Kessidi (Eds.). I. V. Braginska (Trans.). (Vol. 4, 53–295). Moscow. [In Russian].
2. Batishev, G. S. (1995). *Osobennosti glubinnogo obshcheniya* [Features of the deep communion]. *Voprosy filosofii — Problems of philosophy*, 3, 109. [In Russian].
3. Branskiy, V. P. (1999). *Iskusstvo i filosofiya. Rol' filosofii v formirovani i vospriyatii khudozhestvennogo proizvedeniya na primere istorii zhivopisi* [Art and Philosophy. The role of philosophy in the creation and perception of art on the example of the history of painting]. Kaliningrad : Yantarny skaz. [In Russian].
4. Nitshe, F. (1990). *Genealogiya morali. Pamflet* [Genealogy of Morals. Pamphlet]. *Po tu storonu dobra i zla. Izbr. proizv.* [Beyond Good and Evil. Selected Works] : v 2 kn. (Book 2). M. : Sirin. [In Russian].
5. Plutarkh. (1990). *Zastol'nye besedy* [Table talk]. Ya. M. Borovskiy & M. L. Gasparov (Eds.). Ya. M. Borovskiy (Trans.). Leningrad : Nauka. [In Russian].
6. Seneka, L. A. (1995). *O Blagodeyaniyakh* [About blessings]. *Rimskie stoiki : Seneka, Epiktet, Mark Avreliy* [The Roman Stoics : Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. V. V. Sapov (Ed., Introd. & Trans.). (pp. 4–167). M. : Respublika. [In Russian].
7. Yager, Dg. (1994). *Delovoy etiket : kak vyzhit' i preuspet' v mire biznesa* [Business etiquette: how to survive and succeed in the business world]. Trans. from English. M. : Dzhon uaytli end Sans. [In Russian].
8. Derrida, J. (1998). *La fausse monnaie*. Paris : Galiles. [In French].